

Хан Сяоши, сжимая грудь, с горечью произнёс:

— Старший брат, как только я вошёл в каменную комнату, на меня напали. Хотя я не успел среагировать, и чёрный свет оглушил меня, моё пламя ян, кажется, тоже поразило нефритовую табличку, излучавшую этот свет. Только не знаю, удалось ли уничтожить эту нечисть...

Молодой человек в его объятиях дышал неровно, продолжая бормотать, а Нин Хун, рассеянно поддерживая его за талию, в душе тайно вздохнул с облегчением.

Так вот в чём дело.

Неудивительно, что, когда он вошёл, картина была именно такой.

— Я не видел нефритовой таблички, думаю, ты её уничтожил, — после паузы Нин Хун с заботой спросил:

— Сяоши, как ты себя чувствуешь? Ты ранен?

— Нет... Ах, то есть да!

Сначала он машинально начал отрицать, но затем, резко изменив тон, продолжил:

— Старший брат Нин, мой... мой даньтянь, кажется, не в порядке...

— Даньтянь? — Нин Хун вздрогнул.

У практикующих два самых уязвимых места — даньтянь и море сознания. Теперь, когда Хан Сяоши, держась за живот, с гримасой боли говорил о проблемах с даньтянь, Нин Хун, глядя на его нахмуренные брови, почувствовал тревогу.

Он поспешно наклонился, положив руку на место, где лежала рука Хан Сяоши, и серьёзно спросил:

— Что именно не так?

Одновременно он выпустил духовное сознание, тщательно исследуя состояние тела Хан Сяоши.

Прохладная духовная энергия снова окутала его, проникая через центр груди, медленно пропитывая кожу и углубляясь в кости.

Ещё одна странная духовная волна распространилась по воздуху, как рябь на воде, омывая всё тело.

Возможно, из-за того, что он был переселенцем, Хан Сяоши оказался гораздо более чувствительным к духовному сознанию, чем он ожидал.

Как только духовное сознание Нин Хуна окутало его, он почувствовал, как погружается в прохладную, словно родник, но одновременно ледяную, как иней, атмосферу. Она медленно проникала в глубины его души, вызывая рябь с каждым прикосновением.

А внешне — изящные руки Нин Хуна, белые, как нефрит, с идеальными суставами, лежали в очень деликатном месте, и ладони непрерывно передавали духовную энергию, мягко массируя.

Хан Сяоши, кусая губу, счастливо и мучительно старался не застонать от удовольствия.

— Чёрт, так возбуждающе, кто бы смог устоять?

Чтобы выглядеть убедительно, он начал управлять пламенем ян, позволяя духовному потоку свободно течь по телу, создавая видимость повреждения основы и нестабильного дыхания.

...И одновременно изо всех сил старался подавить реакцию своего тела.

С другой стороны, после того как духовное сознание Нин Хуна обошло тело Хан Сяоши, он убрал поток энергии и нахмурил длинные брови.

С одной стороны, он действительно ощутил хаотичные колебания духовной энергии главного героя.

А с другой стороны...

Молодой человек в его объятиях полулежал, голова его беспомощно склонилась на плечо Нин Хуна.

Шёлковые длинные волосы рассыпались, открывая лицо необычайной красоты, с влажными глазами и лёгким румянцем.

В тусклом свете комнаты Нин Хун вдруг заметил, что зрачки Хан Сяоши были не чисто чёрными, а имели янтарный оттенок, с золотистыми бликами, плавающими в глубине, словно крошечные осколки золота, вызывая трепет в сердце.

Неизвестно, какое действие оказала злая магия, но тело в его объятиях стало горячим, как огонь. Тепло проникало сквозь тонкую ткань, обжигая его ладони, и он почти начал думать, что касается кожи...

В то же время Хан Сяоши выглядел крайне уязвимым, с нахмуренными бровями и время от времени издавая слабые стоны, словно он страдал или сдерживал что-то.

Тело Небесного Демона холодное, душа призрачного культиватора ледяная.

Родословная Предельного Пламени, как у Хан Сяоши, должна быть для них ненавистой, и они бы стремились уничтожить её.

Но сейчас, глядя на мерцание в глазах молодого человека и чувствуя тёплое и упругое тело в своих объятиях, Нин Хун почувствовал, как дыхание его сбивается, а сердце бьётся быстрее.

Его заботливые движения незаметно изменились.

От простого направления духовной энергии он перешёл к слегка игривым прикосновениям, нефритовые пальцы мягко массировали, направляя поток энергии в область дантянь...

— Кхм!

Пока 081 не кашлянул Нин Хуну в ухо, он не очнулся, резко отдернув правую руку.

О чём он вообще думал?

Вспомнив свои действия, Нин Хун с каменным лицом сжал левую руку в кулак, сильно ущипнув себя за бедро, так сильно, что чуть не закричал от боли.

Чёрт, видимо, слишком долго сдерживался, самоконтроль просто ужасен.

Легко кашлянув, Нин Хун отвернулся, стараясь игнорировать тепло в своих объятиях, и тихо сказал:

— Сяоши, ты можешь встать?

— Здесь слишком много злой энергии, раз уж мы не нашли удачи, лучше поскорее уйти.

Уйти?

Хан Сяоши подумал: «Ни за что».

Он был на грани, и ему не хватало последнего шага. Хан Сяоши чувствовал разочарование и грусть, мысленно спрашивая:

[025, учитель, его взгляд был таким неоднозначным, почему он остановился?]

[Может, моё тело недостаточно обаятельно, недостаточно нежное?]

— Кхм, не говори глупостей, — тихо ответил 025. — Нежность — это не главное. Ты, такой мужественный, куда интереснее. Как говорится, не сейчас, так позже, Сяоши, наберись терпения.

...Ладно.

Хан Сяоши наклонил голову, его глаза, чёрные, как обсидиан, блеснули, и он снова схватился за живот, стиснув зубы, изображая сильную боль:

— Старший брат Нин, я... я в порядке, пойдём.

Сделав два шага, он удачно споткнулся о неровность на полу, чуть не упав в яму.

Нин Хун поспешно схватил его за рукав, притянув к себе, и с жалостью осмотрел Хан Сяоши:

— Нет, твоя духовная энергия нестабильна, лучше отдохни немного, или...

Его взгляд скользнул по поднятому рукаву Хан Сяоши, остановившись на длинной и гладкой руке молодого человека, и его кадык резко дёрнулся.

— Я тебя понесу?

Хан Сяоши: [???

Что?

Почти не веря своим ушам, Хан Сяоши резко поднял голову, с изумлением глядя на Нин Хуна, который, под его горящим взглядом, слегка смутился и отвернулся.

— Забудь, — с трудом выдавил Нин Хун.

Он чувствовал тяжесть в груди, постоянно напоминая себе: это же Лун Ао Тянь, который никогда не показывает слабость.

Как можно позволить ему нести себя из-за небольшой травмы?

В момент, когда он это сказал, он почти ожидал, что его ударит током.

...Но вместо этого он увидел полный радости взгляд Хан Сяоши.

Этот элегантный и мужественный Лун Ао Тянь, слегка смущаясь, сказал:

— Тогда спасибо, старший брат.

Сказав это, он быстро обернулся и прыгнул на спину Нин Хуна, крепко обхватив его за талию.

Проворный, как кролик, словно боясь, что Нин Хун передумает.

Нин Хун: [...]

Он оцепенел на мгновение, затем сильно потер глаза.

Наверное, здесь слишком темно, и он просто не разглядел выражение его лица!

...

Коридор был всё таким же мрачным, но, когда они пошли вместе, атмосфера, казалось, сильно изменилась.

Ветер всё ещё свистел, проникая из входа в сотнях метров, но приносил с собой слабый аромат персиковых цветов. Хан Сяоши, лежа на спине Нин Хуна, краем глаза заметил ржавые медные лампы на стенах, и вдруг они показались ему милыми, красноватыми, как закат на горизонте.

В пещере было тихо, и звук сапог, ступающих по камням, становился всё отчётливее, ритмичным, как весёлая мелодия.

Но ещё яснее было их тихое дыхание, переплетающееся, создавая тёплый и неоднозначный поток, как нежный росток, который мягко касается сердца, вызывая трепет.

Спина Нин Хуна была широкой и крепкой.

Он выглядел худым, с бледным лицом, но его руки были сильными. Теперь Хан Сяоши крепко держался за него, его разгорячённое лицо прижалось к спине молодого человека, а в ушах слышался сильный и ритмичный стук сердца.

Тук-тук.

Мощный, как барабан, или как бурный поток реки.

Кожа Нин Хуна была очень белой.

<http://bllate.org/book/15111/1334782>